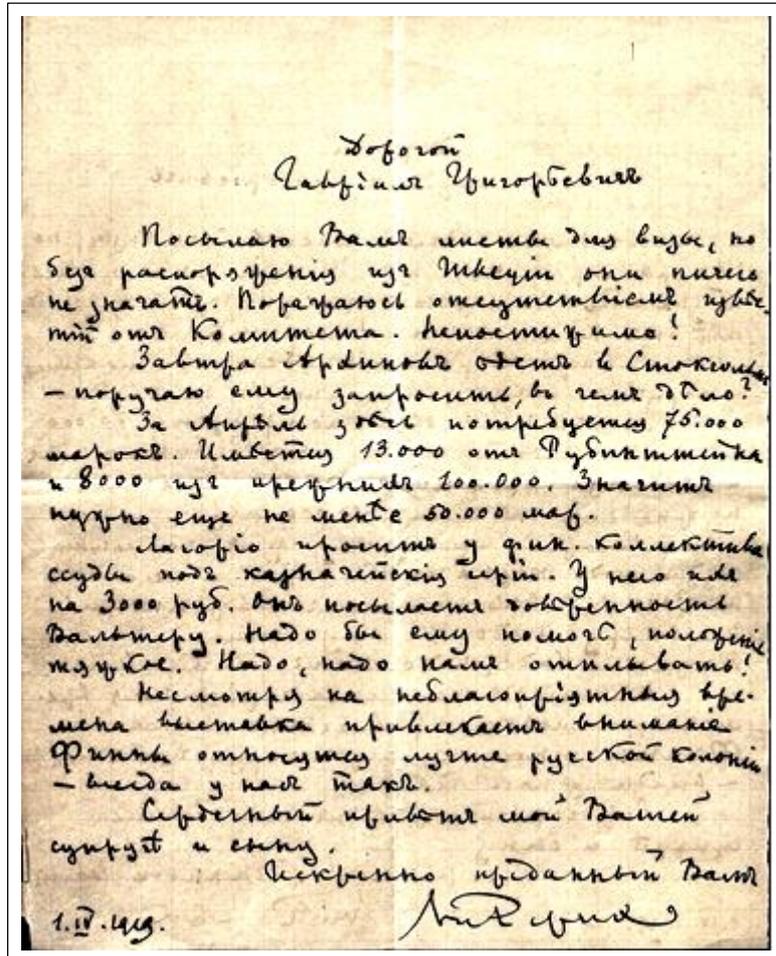

АПРЕЛЬ

1 апреля 1919 г.

Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.

Дорогой Гавриил Григорьевич.

Посылаю Вам листы для визы, но без распоряжения из Швеции они ничего не значат. Поражаюсь отсутствием известий от Комитета. Непостижимо!

Завтра Архипов едет в Стокгольм – поручаю ему запросить, в чём дело?

За Апрель здесь потребуется 75.000 марок. Имеется 13.000 от Рубинштейна и 8.000 из прежних 100.000. Значит, нужно ещё не менее 50.000 мар.

Лагорио просит у фин. коллектива ссуды под купеческие серии. У него их на 3.000. Он посылает доверенность Вальтеру. Надо бы ему помочь, положение тяжкое. Надо, надо нам отплыть. Несмотря на неблагоприятные времена, выставка привлекает внимание. Финны относятся лучше русской колонии – всегда у нас так.

Сердечный привет мой Вашей супруге и сыну.

Искренно преданный Вам

Н. Рерих

1.IV. 1919.

Архив Музея Рерихов, Москва.

Святослав Рерих. Портрет отца. 1918 г.

Николай Рерих

Поскольку Николай Рерих, русско-скандинавский художник, первый раз организует художественную выставку в Финляндии, наверное, уместно будет высказать пару строк в каталоге о его выставке. В Финляндии его имя и искусство пока весьма мало известно. В России в обширных районах Европы он, напротив, прославленный художник. Его произведения в течение последних лет приобретены во многие большие художественные музеи, такие как в Риме, Люксембурге, Сан-Франциско и так далее. Он выставлял свои работы в Париже, Лондоне, Вене, Брюсселе, Чикаго и прочих больших городах, в том числе в Стокгольме и Копенгагене, где его выставка вызвала на редкость большое внимание.

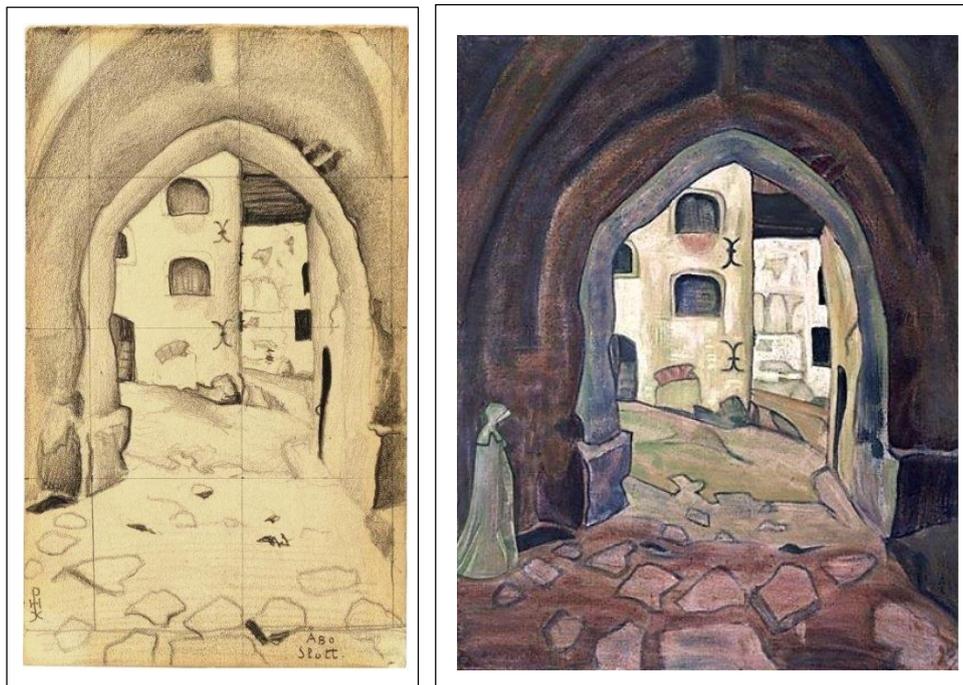
Темы картин Рериха рассматривают по большей части историю и легенды северных стран. С помощью живого воображения он погружается в народные сказки, легенды и мифы северных стран и России. Кроме исторических и аллегорических картин, он пишет портреты, фрески, эскизы для балетов и театральные декорации, в том числе известные в Финляндии декорации к драме «Пер Гюнт» для русского прославленного Московского драматического театра. Рерих также выступает как плодотворный писатель, главным образом, на религиозно-мистической основе.

О Рерихе появились разнообразные монографии на многих языках. Среди авторов упоминают в том числе А. Бенуа, Дени Роша, С. Маковского, В. Риттера и т.д. В апрельском номере журнала «Оттава» опубликована статья о художнике писателя Леонида Андреева, ныне живущего в Финляндии.

Профессор Николай Рерих родился в 1874 году. Со стороны отца его род имеет скандинавские корни, со стороны матери он из чистокровного русского рода, ведущего начало со времён Петра Великого. В настоящее время он временно пребывает в положении беженца в Выборге. На выставке также встречается много работ на финские темы.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Каталог опубликован на финском языке.

«Темы картин Рериха рассматривают по большей части историю и легенды северных стран...»

Н.К. Рерих. Белая дама. 1919. Слева – Эскиз композиции к картине.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«В Гапсале привлекли внимание развалины старого замка. Особенно же присмотрелись мы к ним, когда услышали легенду о белой даме, появляющейся в готическом полуразрушенном окне. Скептики уверяли, что при известном положении луны получались очертания фигуры, но хотелось верить, что это не отсвет лунный, а сама белая дама, появляющаяся перед чем-то особенным. Тогда же рассказывали нам и легенды древних ревельских башен, и сказания о замках Лоде и Таубе — всё это было необычно, и после тишины изварских лесов и озёр шум морского прибоя тоже гремел какую-то увлекательную северную сагу».

Н.К. Рерих. Эстония. 1937 г.

***3 апреля 1919 г. Гельсингфорс.
Письмо Н. К. Рериха к Андрееву Л.Н.***

Дорогой и родной Леонид Николаевич, как мы и думали— всякие силы ополчились на выставку мою: 1) Три дня валил снег и закрыл все верхние окна — зажгли с утра огонь. 2) Свирепствует испанская болезнь. 3) Общая неуверенность в будущем сейме¹. 4) Большевизм Венгрии. 5) Ссора в здешних художественных кругах (междоусобица).

¹ Кратковременная Венгерская советская республика была провозглашена 21 марта 1919.

Всё сразу! Но, тем не менее, держимся. Позиций не уступили, и внимание к выставке большое. Сегодня вышла Ваша статья в «Otava»². Ещё раз убеждаюсь насколько нужна всякая пропаганда русского дела. Ведь лишь на наших языках мы говорим полноправно. Надо и Вам на Запад³. Там мы заварили бы целое «осведомительное бюро» о России - о той России, которую мы знаем и о которой кроме нас, немногих, кто же говорить может? А такая борьба во имя культуры и правды делается всё необходимее, ибо подземный пожар ползёт и его надо заливать⁴. Да и вообще отсюда надо ехать. Русская колония в Гельсингфорсе - хлам, почти вся хлам! Когда Маннергейм, случайно не могший попасть на выставку, прислал состоящего при себе, чтобы передать его привет и пожелание привета, - мне стало неприятно, ибо весь русский особый Комитет отсутствовал. Вообще к нам, деятелям культуры, — обидное пренебрежение! Простое внимание отсутствует. Ну да чёрт с ними, ведь не для них же работаем. Ведь не их солнцу радуемся! Да, опасайтесь всячески Ляцкого, - зловреден. Я это узнал уже не из Арабажинских источников.

Перед отъездом хочу сказать Вам, как часто буду вспоминать о Вас и буду посылать Вам призывные флюиды. Об издании буду говорить здесь (уже и говорилось) и в Стокгольме. Это и уместно, и необходимо. А Вы берегите себя. Шлю привет Анне Ильинишне. Всякое Ваше слово, догнавшее меня, принесёт мне сердечную радость и осветит путь мой. Крепко Вас целую и надеюсь увидеться на Западе.

Душевно с Вами,

Н. Рерих

3.IV.1919. Отплываю 19-го.

Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. С. 281-282.

3 апреля 1919 г. Гельсингфорс

Письмо Н.К. Рериха к Андрееву Л. Н.

“Дорогой и родной Леонид Николаевич,
Как мы и думали – всякие силы ополчились на выставку мою: 1) Три дня валил снег и закрыл все верхние окна - зажгли с утра огонь. 2) Свирепствует испанская болезнь. 3) Общая неуверенность в будущем сейма. 4) Большевизм Венгрии. 5) Ссора в здешних художественных кругах (междоусобица). Всё сразу. Но, тем не менее, держимся. Позиций не уступили и внимание к выставке большое. Сегодня вышла Ваша статья в “Otava”. Ещё раз убеждаюсь, насколько нужна всякая пропаганда русского дела. Ведь лишь на наших языках мы говорим полноправно. Надо и Вам на Запад. Там мы заварили бы целое “осведомительное бюро” о России – о той России, которую мы знаем и о которой кроме нас, немногих, кто же говорить может? А такая борьба, во имя культуры и правды, делается всё необходимее, ибо подземный пожар ползёт и его надо заливать. Да и вообще, отсюда надо ехать. Русская колония в Гельсингфорсе – хлам, почти вся хлам! Когда Маннергейм, случайно не могший попасть на вы-

² Согласие — Entente (фр.). Имеется в виду союз «Антанта».

³ Приехав в Лондон, Рерих предпринял шаги к осуществлению своего совета Андрееву, о чём свидетельствует запись от 22 июля 1919 в дневнике П.Н.Милюкова: «Доклад Рериха в Братстве <...> Присутствие Л. Н. Андреева в Тюрисеве, S.O.S. Необходимо способствовать приезду Андреева сюда» (Columbia. Архив П. Н. Милюкова. Дневник. Тетрадь 6. Л. 14 об.)

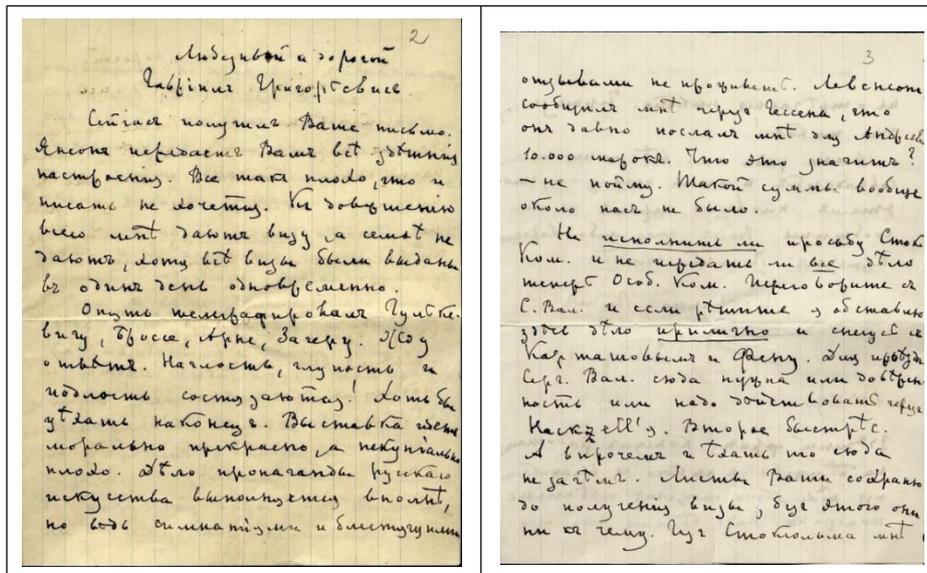
⁴ Художественный музей в Гельсингфорсе.

ставку, прислал состоящего при себе, чтобы передать его привет и пожелания успеха, – мне стало неприятно, ибо весь русский особый Комитет (особый Комитет по делам русских в Финляндии. – ред.) отсутствовал. Вообще к нам, деятелям культуры, обидное пренебрежение! Простое внимание отсутствует. Ну да чёрт с ними, ведь не для них же работаем. Ведь не их солнцу радуемся!”

Архив Музея Русской культуры в Сан-Франциско.

5 апреля 1919 г.

Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.

Автограф письма, л.1, 2.

Любезный и дорогой Гавриил Григорьевич

Сейчас получил Ваше письмо. Янсон передаст Вам все здешние настроения. Всё так плохо, что и писать не хочется. К довершению всего мне дают визу, а семье не дают, хотя все визы были выданы в один день одновременно.

Опять телеграфировал Гулькевичу, Броссе, Арне, Зегерсу. Жду ответ. Наглость, глупость и подлость состязаются! Хотя бы уехать наконец. Выставка идёт морально прекрасно, а <...> плохо. Дело пропаганды русского искусства выполняется вполне, Но ведь оптимизмами и блестящими отзывами не проживёшь. Левинсон сообщил мне через Гессена, что он давно послал мне для Андреева 10.000 марок. Что это значит? – не пойму. Такой суммы вообще около нас не было.

Не исполнить ли просьбу Сток. Ком. И не передать ли всё дело теперь Особ. Ком. Переговорите с С. Вол. И если решите, я обставлю здесь дело прилично и снесусь с Карташёвым и Фену. Для проезда Серг. Вал. Сюда нужна или доверенность, или надо действовать через Hackzell⁵. Второе быстрее. А впрочем, и ехать-то сюда незачем. Листы Ваши сохраню до получения визы, без этого они ни к чему. Из Стокгольма не отвечает никто. Чёрт знает, что такое!

Очень рад, что все наши мысли совпадают очень печалуюсь, что этим плохим пером не могу сообщить Вам что-либо хорошее.

Привет Вашей семье.

Искренно Ваш,

Н. Рерих

5.IV. 1919.

⁵ Antti Verner Hackzell - Министр иностранных дел Финляндии.

Здесь франц. Консул работает на немцев, и никого не выпускает из тех, кто может осветить положение. Надо делать без него.

Архив Музея Рерихов, Москва.

6 апреля 1919 г.

Письмо Н. К. Рериха к А. Галлен-Каллела

Мой дорогой друг!

Будь так добр, дай мне хороший совет, что мне делать с выставкой? Все отношения хороши и блестящи, но Атенум*) не появляется, и все покупатели исчезли. Может быть, мне нужно самому обратиться в Атенум, но я полагаю, что такое персональное обращение не удобно.

Дай мне дружеский совет.

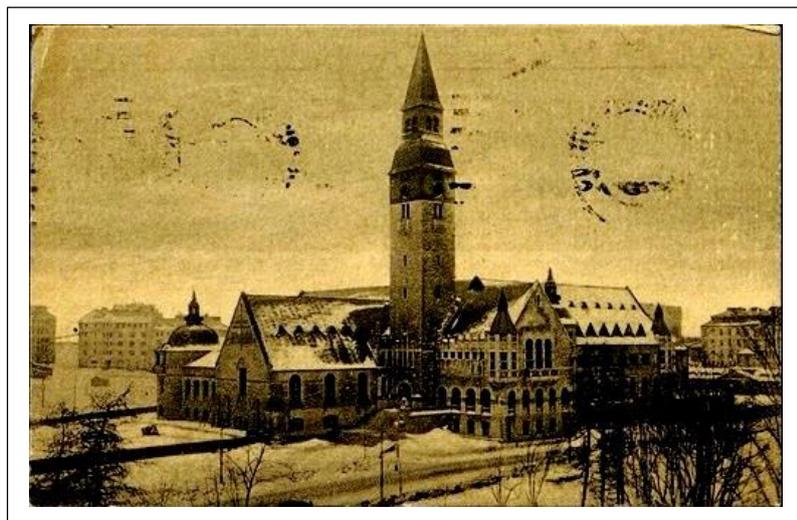
Сердечно преданный тебе

Н. Рерих

Публикуется по: Елена Соини. Северный лик Николая Рериха. Самара. 2001.

9 апреля 1919 г. Хельсинки.

Открытое письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.

На открытке: Хельсинки. Национальный музей.

CARTE POSTALE

SUMI – FINLAND

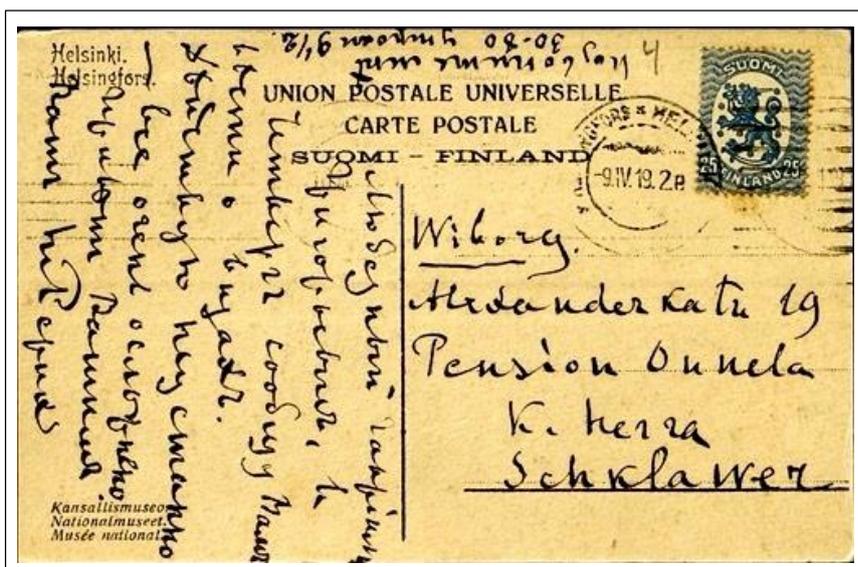
Wiborg. Alexander katu 19. Pension Ounela

K. Herra Schklawer

Любезный Гавриил Григорьевич, в четверг сообщу Вам вести о визах. Действую неустанно – всё очень осложнено. Привет Вашим.

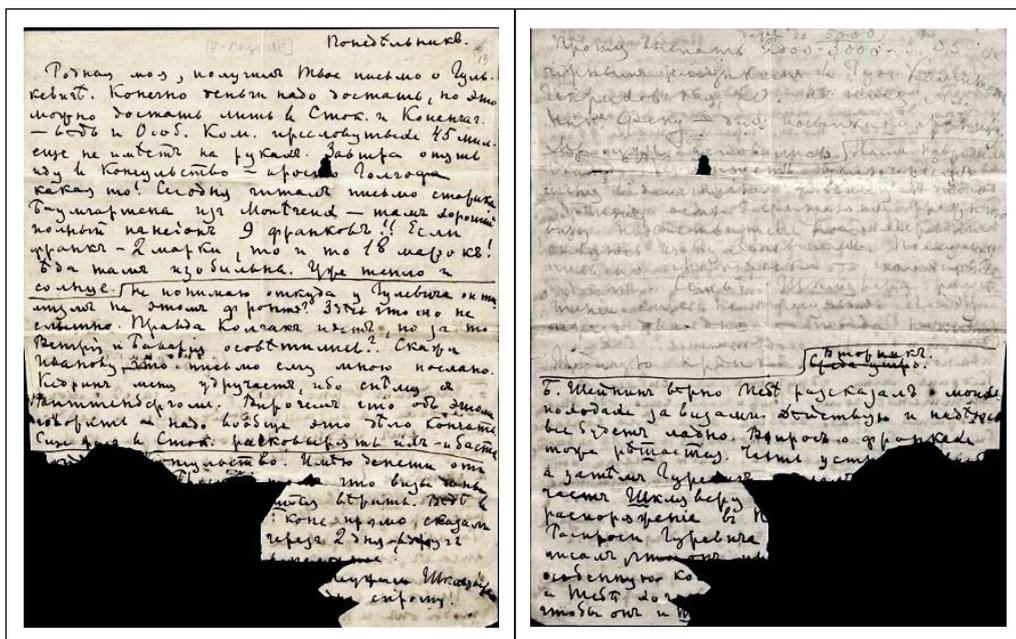
Ваш *Н. Рерих*

Позвоните мне 30-80 в утром 9 ½.

Архив Музея Рерихов, Москва.

**7-8 апреля 1919 г.
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Понедельник.

Родная моя, получил Твоё письмо о Гулькевиче. Конечно, деньги надо достать, но это можно достать только в Сток. и Копенгаг. – ведь и Особ. Ком. Пресловутых 45 мил. ещё не имеет на руках. Завтра опять иду в Консульство – просто Голгофа какая-то! Сегодня читал письмо старика Баумгартена из Montreux - там хороший полный пансион 9 франков?! Если франк – 2 марки, то и то 18 марок! Еда там изобильна. Уже тепло и солнце.

Не понимаю, откуда у Гул[ьк]евича оптимизм на этом фронте? Здесь что-то не слышно. Правда, Колчак идёт, но зато Венгрия и Бавария осветились?

Скажи Иванову, что письмо ему мною послано. Впрочем, что об это говорить – надо вообще это дело кончать. в Сток. расковырять их – и баста.

...Консульство. Имею дипеши от... что визы даны.....
.....

Вторник.

Б. Шейнин, верно, Тебе рассказал о моих походах за визами. Действую и надеюсь, что всё будет ладно. Вопрос о франках тоже работается.
.....

Архив Музея Рерихов, Москва.

11 апреля 1919 г.

Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.

Дорогой и любезный Гавриил Григорьевич.

Я убедился, что и Вам Сканд. Ком. исхлопотал только личную визу на две недели. Советую Вам и прошу Вас, по телефону передать Тумаркину, что лучше всего подать прошение в Особый Комитет для включения в число платных вакансий, предоставленным Шведским Правительством. Вакансии ещё имеются. Так мне сказал Фену. Шведский консул, также как и Пуаро, просто скоты. В отличие от них Норвежский Консул принял меня сегодня трогательно любезно и обещал мне достать Норвежскую визу. Листы Ваши лежат у меня. Если хотите, пришлите мне прошение в Ос. Комитет и я приложу к нему листы. Иванов приехал. Завтра ожидаю Архипова из Стокгольма. Дела все очень сложны. Приеду в Четверг или Пятницу – расскажу.

Мой искренний привет Вашей супруге и сыну.

До чего трудно протолкнуться дальше. Точно Вы пробираетесь среди лесов и дикарей. Пожалуйста, пошлите 5.000 S.O.S. для раздачи (чёрный рисунок) на имя А.Н. Фену. Генриховская, 20. Особый Комитет для передачи бар. Гревениц (он обещал дать их за границу).

Преданный Вам

Н. Рерих

11.IV. 1919.

Архив Музея Рерихов, Москва.

12 апреля 1919 г. Выборг

Письмо Юрия Рерих к Н. К. Рериху

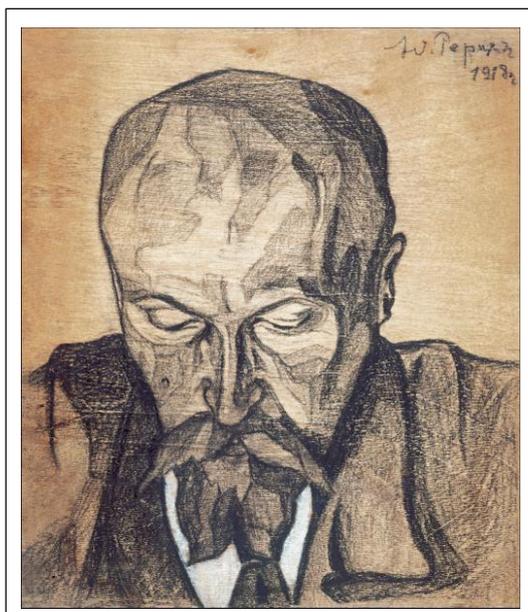
12 апреля 1919 г. Выборг

Дорогой папа!

Ради Бога, пришли мне от Валевица программу экзаменов, это мне очень важно. Работаю много.

Целую тебя крепко.

.Твой Ю. Рерих

Юрий Рерих. Портрет Н.К. Рериха. 1918.

***13 апреля 1919 г. Helsingfors-
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.***

Дорогой и любезный Гавриил Григорьевич.

Вернулся М.Н. Архипов и сообщил, что Сканд. Ком. сейчас имеет для Финляндии 200. 000 ф. марок и 100. 000 рублей. Что Казначей не посылал их, не имея отчёта от Выборга (!!!) Так или иначе неприят. почти устранены и члены нашего Представительства могут спокойно заниматься полезным делом сбора средств, без всякой, вредной для дела, поспешности. С другой стороны, и получающие субсидии могут быть успокоены. Во всяком случае, делаем, что можем, лишь бы дело военной организации не потерпело ущерба. В среду можно сообщить это собранию.

Архипов полагает, что устанавливая дружественный контакт с действиями Особ. Комитета, не представляется нужды полного слияния Комитетов, ибо Особ. Комитет не выдаёт средства на тот же предмет, как наш Скандинавский. Чувствуется, что личное воздействие в Стокгольме очень нужно, и потому наша делегация является очень уместной и неотложной. Только на месте можно будет установить план будущих средств, ибо переписка, очевидно, мало способствует ясности.

Не было ли у Вас также вестей из Стокгольма?

Вернуться надеюсь в Субботу утром. Привет мой Вашей супруге и сыну.

Искренно преданный Вам

Н. Рерих

*13.IV. 1919.
Helsingfors*

Архив Музея Рерихов, Москва.

23-24 апреля 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой мой Николай Константинович!

Был в некоторой нерешимости, куда Вам писать. Но не это главное: духом я ослабел. Выпадают такие дни, что еле встаёшь с постели, и тоска постепенно становится преобладающим чувством. Решаюсь писать Вам об этом по дружбе, ибо не выношу в себе таких состояний и стыжусь их, как вообще стыжусь всякой болезни и слабости. И никакая работа не идёт: хватаюсь за бумагу, бросаю, ночью вместо сна думаю, а днём эти мысли ненавижу.

Причина - безумие мира. То, что делается в Европе, отношение её к большевизму и России и всё, о чём только ни читаешь, - ложится на мозги серой паутиной и отравляет душу злом и бессмыслием. А большевик всё продолжается, и не видно ни конца, ни краю всей этой мучительной чепухе, а за окнами неподвижное Тюрисево. Шайкевич идёт в гости к Вальтеру, Вальтер идёт к Шайкевичу - и холодная, формальная, бездарная весна. Вдруг начинается удушье, и целую ночь дышишь точно в трубочку.

Оттого главное и не пишу. Что за радость обременять своим нытьём! Хочется, как собаке, залезть под террасу и там отлежаться. А думаю о Вас с нежностью, милый друг. Мне ещё жаль, что Вам выпало столько неприятной возни с этими деньгами⁶, воистину в чужом пиру похмелье! Передайте мой низкий поклон и благодарность Вашей супруге за её письмо; видно, что и её коснулась эта неприятность.

Всё собираюсь в Выборг и всё откладываю по тем же душевным причинам. А где Вы? Когда едете? Черкните письмо. И о выставке. Крепко обнимаю и целую братски.

Ваш Леонид А.

23 апреля 1919.

Сейчас, перед отправкой на почту, получил Ваше письмо и деньги, милый друг. К написанному раньше могу прибавить от всей души: эх! Читали ихнюю резолюцию?⁷ Вообще — не хочется, не могу говорить.

Вас ещё раз крепко целую. Конечно, мы вместе и твёрдо. Пишите мне и дайте адрес.

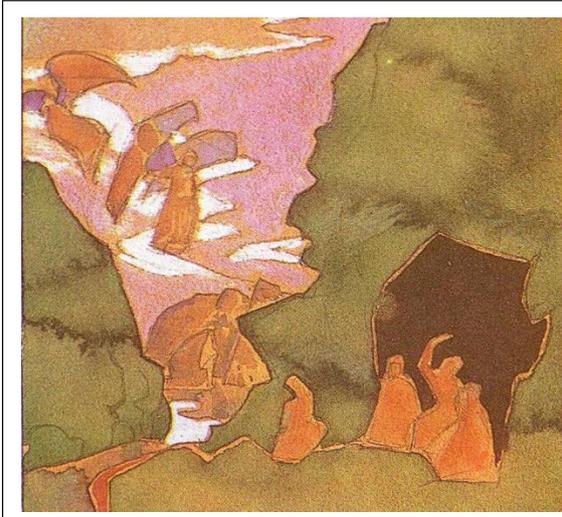
Л. А.

24 апреля.

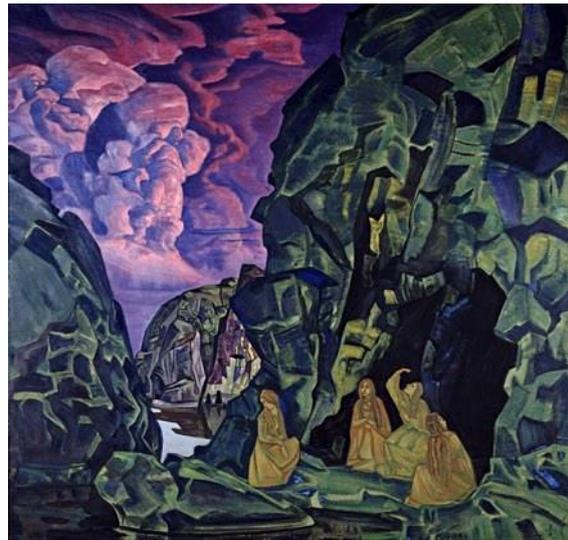
Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. 1994. С. 284-285.

⁶ См. письмо от 29 марта 1919 о недоразумении по поводу 10 тысяч марок, якобы обещанных Андрееву.

⁷ Речь идёт о «Резолюции, принятой 16-го апреля на соединённом заседании Правления Особого Комитета по делам русских в Финляндии вместе с членами Особого Комитета, членами Совета представителей русской промышленности и торговли в Финляндии, представителями местных русских общественных организаций и русскими общественными деятелями» (Русская жизнь. 1919. 24 апреля. С. 1-2), в которой, в духе «Программы Русского политического совещания в Париже», отказались от переговоров с большевистским правительством и призывали союзников к военной интервенции, чтобы освободить Россию от большевиков.

Н.К. Рерих. Дочери земли. Эскиз. 1919.

Н.К. Рерих. Сыновья неба (Дочери земли). 1919.

28 апреля 1919 г.

КО ВРЕМЕНИ⁸

I

Среди ужаса, среди борьбы, среди столкновений народных масс сейчас более всего на очереди вопрос знания, вопрос искусства. Не удивляйтесь! Это не преувеличение и не общее место. Это - решительное утверждение.

Вопрос относительности человеческих знаний - всегда был болезненным вопросом. Но теперь, когда всё человечество испытало последствия заградительной проволоки,- этот вопрос стал насущным. Люди привыкли не только думать, но и бесстыдно говорить о предметах, которые они явно не знают. Самые почтенные люди болезненно начали повторять мнения, ни на чём не основанные. И такие суждения вносят в жизнь великий вред, часто неизгладимый.

Должны мы сознаться, что за последние годы европейская культура потрясена. В погоне за тем, что ещё не суждено человечеству, разрушены ступени восхождений. Человечество незаслуженно пыталось овладеть сокровищем, ему ещё не принадлежащим, и порвало благое покрывало богини Счастья.

Конечно, то, чего не достигло теперь человечество, - ему суждено, но сколько испытаний придётся человеку опять перенести, чтобы искупить разрушение ещё запретных врат. Каким трудом и самоотверженностью придётся опять исправлять разрушения основ культуры.

Знания, затворённые в хранилищах и заключённые в умах учителей, опять мало проникают в жизнь. Опять не рождают действенный подвиг созидания.

Жизнь наполнилась скотскими велениями брюха. Мы приблизились к черте страшного заколдованного круга. Заклясть его тёмных хранителей, вырваться из него можно только талисманом истинного знания и красоты.

И приходит время необходимости этого исхода.

⁸ Первые четыре части статьи «Ко времени» были напечатаны в гельсингфорской эмигрантской газете «Русская жизнь» 14 марта 1919, а пятая дописана 28 апреля 1919 и осталась неопубликованной.

Без ложного стыда, без ужимок дикарей - сознаемся в этом. Сознание уже есть ступень преуспевания.

Сознаемся, что человечество сильно одичало. Нужды нет, что оно ещё носит европейский костюм и по привычке произносит особенные слова. Но под костюмом - дикое побуждение. А смысл произносимых слов, часто великих, трогательных, объединяющих, - уже затемнён. Пропадает руководящее знание. Люди привыкают жить в темноте.

Мало знания. Мало искусства. В жизни мало тех устоев, которые *единственно* могут привести к золотому веку единства.

Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если мы вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно - крошечное царство пошлости.

Молодые поколения не подготовлены взглянуть смело, со светлой улыбкой, в ослепительное лицо знания. Откуда же придёт познание сущности вещей? Откуда придут мудрые взаимные отношения? Откуда придёт единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных твёрдых движений?

Только на почве истинного осведомления, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником будет *международный язык знаний и красоты искусства*. Только эти проводники могут установить *глаз добрый*, так необходимый для всего будущего созидания.

Путём вражды, грубости, поношения всё равно никуда не придти. Ничего не создать. А в природе человека осталась же душа, осталась же совесть. Сущность человека всё-таки стремится к справедливому познанию.

Долой тёмное. Уничтожим злобное и предательское. Человечество уже достаточно почувствовало на себе тёмную руку зла.

Вот скажу не общее место, не пустое слово. Скажу убеждённое устремление подвига: единственная опора жизни — знание и искусство. Именно в наши трудные дни, в наше тяжкое время будем твёрдо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях, и в боях, и в победах будем исповедовать их всеми силами духа.

II

Вы говорите: «Трудно нам. Где же думать о знании и о красоте, когда жить нечем».

«Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить важные дела».

Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство вовсе по роскошь. Знание и искусство — не безделье. Пора уже запомнить! Это молитва и подвиг духа. Неужели, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепоею? или от беззаботного безделья?

Нет. Молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва духа наиболее нужна, когда всё существо потрясено и нуждается в твёрдой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора твёрже? И чем же дух зажжётся светлее?

Ведь не голод ощущаем. Не от холода сотрясаемся. Дрожим от колебаний нашего духа, от недоверия, от несбывшегося ожидания.

Вспомним, как часто, трудясь, мы забывали о пище, не замечали ветра, и холода, и зноя.

Устремлённый дух окутывал нас непроницаемым покровом.

«Оружие не рассекает его, огонь не палит его, вода его не мочит, ветер не сушит его.

Ибо нельзя ни рассечь, ни спалить, ни пропитать влагой, ни высушить его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незыблемый, извечный он.

Один почитает его за чудо, другой говорит о нём, как о чуде, третий слышит о нём, как о чуде, но и услышав, никто не знает его».

Песнь Господня [Бхагавадгита – ред.], великая мудростью всех веков и народов, о чём говорит? О человеческом духе. Вдумайтесь в глубокие слова и в вашем житейском смысле.

Вы не знаете границы мощи вашего духа. Вы не знаете сами, через какие неодолимые препятствия возносит вас дух ваш, чтобы опустить на землю невредимым и вечно обновлённым. И когда вам трудно и тяжело и будто бы безысходно, не чувствуете ли вы, что кто-то помогающий уже мчится вам на помощь? Но путь его долог, а малодушие ваше быстро. Но ведь он идёт и несёт вам и «Меч мужества», и «Улыбку смелости».

Говорили о семье, покончившей угаром жизнь от отчаяния. Ведь это нестерпимо малодушно. Ведь при будущей победе духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будут терзаться, ибо не приложили труд свой к тому, к чему должны были.

Не всё ли равно, какой труд. Выплывающий борется с волною всеми мерами. Но если силен дух его, то и силы тела его умножаются безмерно.

Но чем вы выявите дух ваш? Чем вызовете на помощь силу вашего духа? Чем вы вскроете то, что у многих засыпано обломками серого обихода?

Твержу: знанием и красотой искусства. В них, единственно в них — непобедимые заклęcia духа. В знании — во всём его неисчислимом могуществе. В искусстве — во всех его необозримых проявлениях. И, очищаемый, дух ваш подскажет, которое знание подлинно, которое искусство истинно. Именно дух ваш, вызванный из недр ваших, уберёжет вас от подлой, замазывающей пошлости, которую сказать нельзя, её можно только чувствовать. Но зато чувствовать безошибочно.

Взгляните. Вдумайтесь в то, что скажу. Об этом ещё вспомните. Недаром враги ваши так оперлись именно на значение искусства и знания. Даже им ведома сила этих талисманов.

Неужели же вы предоставите им пользоваться этою мощью? Нет, и вы знаете тайну жизни, и вы наконец сумеете её использовать полно, жизненно и проникновенно.

Вы сумеете вызвать к себе на помощь дух ваш. Он, ваш водитель, подскажет вам ближайший путь. Он поведёт вас к радости и победе. Но и в победе он поведёт вас высоким путём, ступени которого скованы только знанием и искусством.

III

Крестьяне часто производили выборы таким способом: клали записки всех партий на ночь к образу и утром, закрыв глаза, вынимали то, что будет указано.

Здесь была хоть вера. Но когда вы встречали в большом доме картину, давно висевшую вверх ногами, или годами неразрезанные книги - то тут дело обстояло хуже.

Тут и неверие было. И неверие двойное. Неверие в ценность культуры. Понимание сущности культуры в самом извращённом смысле.

Получалась какая-то грозная и подлая культура.

На днях один очень почитаемый деятель сказал мне, что не мог кончить обеда под звуки пошлой музыки. И это признание было и понятно, и почтенно, и красиво, ибо этот деятель на серьёзном симфоническом концерте нашёл бы подлинный духовный подъём.

Но когда в гостиную уважаемого лица вы встречаете пошлую олеографию — вам делается страшно. Вы понимаете, что перед вами человек с закрытой душой, которому и вся жизнь так же мутна, как мутно его духовное сознание.

Но ведь грядущее время не потерпит эту мутность души. Какое бы строительство ни намечалось, оно должно будет, даже в трудные минуты, отдать подобающее место культурным подвигам. Иначе все его хозяйственные распорядки будут бессмысленны. И все итоги истории будут свидетельствовать против него.

Конечно, продуктами культуры ещё нужно научиться пользоваться. Нужно суметь ввести их в жизненную потребность. Людям с мутным взором и затемнённым умом это сделать нелегко. Нужны будут сознательные усилия, нужно целое образование, которое нельзя получить по приказу.

Чтобы прочистить ум, глаз и ухо, надо пройти целую лестницу ступеней. Иначе можно слушать и смотреть лучшие вещи, по ничто не затрепещет; ни одна струна не зазвучит от этих прикосновений. Надо искать созвучия культуры, а без сознания темноты не придёт в голову нести свет.

Именно сейчас приходится твердить древние истины, именно теперь, когда многие вольно или невольно отмахиваются от проявлений культуры. Им, бедным, кажется сейчас неуместным о культуре мыслить. Чем же они предполагают жить? Чем они одухотворят обиход свой? Ведь служители пошлости не дремлют, они прилежно улавливают в свои сети новые поколения.

Именно теперь вы должны особенно думать о том, как внести культуру в новую жизнь. Теперь жизнь потрясена и полуразрушена. Поверьте, сейчас легче мыслить о новых устоях, легче вносить их в свой кругозор. Привыкать к ним.

Весь ужас нашего времени в призыве: всё позволено. Обезвредить его можно только зовом: позволено всё, что служит истинной культуре...

Впрочем, вы всё-таки смеётесь: «Можно ли думать о культуре», — говорите вы...

Смеяться легко. Над тем, что не знаешь, ещё легче. Но насмешка незнания и породила значительную часть ужаса наших дней.

Не входите в ряды прародителей большевизма. Оттуда нет возврата. Ведь светлой работы так много. Каждый человек на счету, и мало, безмерно мало людей. А строение храма велико, и близко, и непреложно.

«Знай, что То, Которым проникнуто всё сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению То Единое, Незыблемое».

«Здесь нет ни затраты сил, ни нарушения; даже и неполное знание спасает от великого страха»⁹.

Этот греховный великий страх перед созиданием надо изгнать. Мы бросили старую жизнь и всё-таки живём. И всё-таки строим везде, где не мешает

⁹ Там же.

подлый страх, порождённый незнанием и темнотою. Только искусство и знание изгонят ваш страх.

Странно и стыдно приводить доводы против страха, против пошлости, против темноты духа. Но ведь нужно это. Ведь каждый знает, кому эти слова надо посоветовать твердить ежедневно.

Отходя ко сну, просыпаясь к труду, произнесём молитву об изгнании страха и пошлости.

IV

Даже в недавние годы мы ещё узнавали о потрясающих деяниях. Слышали о библиотеках, выброшенных на мышинное съедение. Узнавали с ужасом о сожжённых ценнейших музыкальных рукописях, о невозстановимо порванных картинах.

Почтенная москвичка уверяла меня, что у неё картины в почёте, что их к каждому празднику «обтирают», а вещи оказались стёртыми щёлоком.

Вообще, мы ещё не умеем обращаться с предметами знания и искусства. Бесчисленно можно приводить примеры. Тихий погром неведения касается всех проявлений культуры. Сложно стоит дело знания и искусства. Бесконечно мало народ понимает, или, верней: бесконечно забыл народ свои корни мудрости и красоты.

Помните, о чём умышляют прикрывающие свои бесчинства будто бы вниманием к искусству и знанию!

Замышляющие надеются на неизбежные итоги истории, и потому будущие новые установления должны подойти к вопросам культуры с особым вниманием и осмотрительностью.

Много серьёзных, больных вопросов, но среди них вопросов, но среди них вопрос культуры всегда будет краеугольным.

Что же может заменить вопросы культуры?— продовольствие? промышленность? — тело и брюхо?

Сюит лишь временно устремиться к вопросам тела и брюха, как интеллект неизбежно падает. Весь уровень народа понижается. А при том, что уже произошло, при несомненном одичании всякое дальнейшее понижение уровня губительно.

Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность не строили одни истинную культуру. И надлежит особо бережно обойтись со всем, что ещё может повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

При новом строительстве линия просвещения и красоты должна *быть* лишь повышаема, но не забыта ни на мгновение. Это не отвлечённое суждение — наоборот, ближайший распорядок.

У меня хранятся письма славных боевых офицеров. Они и во время боя, [вы]казывая чудеса храбрости, помнили о культуре и красоте. Не это ли воздвигло их дерзновение? Не это ли создало их подвиг? Листки записаны во время боя, и писавшие их помнили перед ликом смерти о знании и о красоте, — разве это не молитва, разве это не твёрдость духа?

Руси предстоит славное строительство. Подрастающее поколение, вне ваших повседневных нужд готовьтесь к подвигу истинного, весёлого труда.

Обстоятельства сближают нас с явлением важнейшего значения. Нам предстоит выдержать ещё одно испытание. Трудное испытание. Испытание восприятием культуры.

После средневековых испытаний огнём, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры. Если сила духа возносила людей противу огня и железа, то та же сила вознесёт их и на ступени знания и красоты. Но это испытание сложнее древних искусов; оно будет поставлено в нарочито трудные условия - готовьтесь его воспринять.

Нет иного пути.

А теперь обращаюсь я к вам, которые остались во граде обречённом; к тем из вас, которые имеют международное значение! И к вам, друзьям, в рассеянии сущим!

Вы, что-то сохраняющие и затворяющие. Не затворите и совести вашей и не прикройте значением вашим убийц и предателей.

Поймите, что есть настолько злые вещи, что и приближаться к ним нельзя. Помните, что цель не освящает средства. Знание и искусство не живут на этих вредных корнях. Отличите же, наконец, признаки от сущности. Неужели же затворилась и совесть?

Пусть мой зов просочится к вам, и пусть сердце ваше подскажет вам, где истинный народ и где та ваша Родина, во имя которой вы должны принести все ваши силы и знания.

А вы, друзья в рассеянии сущие! Пусть и к вам через все наваждения просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. К вам обращаюсь, вас зову: во имя знания и красоты, для борьбы и труда соединимся.

V

Но по поводу моих статей «Ко времени» я получил ряд писем от лиц мне неизвестных.

Сейчас, на отъезде, хочу сказать об этих письмах несколько слов.

Прежде всего, в письмах сквозило то качество, в отсутствии которого часто обвиняют русских. Сквозило желание *единения*, общей созидательной работы. Это ценно.

Были запросы о культурном строительстве, о силах духа человеческого. Это своевременно.

Наконец, было одно утверждение, по своей простоте всем очень близкое. Было утверждение, что теперь настало время каждому выявить свою истинную сущность.

Вспоминаю.

Покойный Серов, чуткий и чистый, всегда говорил, что «каждому человеку, хоть раз в жизни, приходится предъявить свой настоящий паспорт».

Именно такое время переживаем и сейчас. Каждый, добровольно, свободно и явно, должен вписать в графу «особые приметы» несмыслаемыми чернилами своё определение.

Можно вписать: мужество, строительство, творчество, сознательная работа, ясность и твёрдость духа, желание познавать, стремление совершенствоваться, устремление к красоте и знанию.

Или: боязливость, продажность, приспособляемость, потворство, уродливость, ложь и невежество под мертвенным покровом пошлости. Сколько определений надлежит внести беспощадно.

Настало время каждому заполнить чётко графу своего свидетельства жизни. Установить навсегда. Сделать тайное явным. Час, к которому запись должна быть внесена, приближается.

И радостно, если мысли об этом неизбежном выявлении не будут пугать, но встанут на пути человеческом как придорожные знаки. Напоминающие. Указующие преддверие будущего светлого града.

Н.К. Рерих

28. IV. 1919.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Н.К. Рерих. Святые ушли – Глеба хранителем поставили. 1919.

МАЙ

АНГЛИЯ.

Из воспоминаний С.Н. Рериха:

“Следующим этапом была Англия. Сергей Павлович Дягилев, который был тогда в Англии, очень хотел, чтобы Николай Константинович приехал в Лондон, чтобы начать там новый русский сезон в Ковент-Гардене. Мы приехали в Англию. Там Николай Константинович организовал свою выставку, которая прошла с очень большим успехом, и Ковент-Гарден заказал ему серию декораций и костюмов к постановке русских опер. Так начался новый период деятельности Николая Константиновича. Он всегда и во всем работал именно «на русской ниве». Все оперы были русскими: «Снегурочка», «Князь Игорь», «Царь Салтан» и другие постановки. Они шли с большим успехом в Англии. Также выставки Николая Константиновича в других её городах пользовались очень большим успехом. Жизнь Николая Константиновича как художника, как общественного деятеля, как большого деятеля культуры имела там новое претворение... »

С.Н. Рерих «Стремиться к прекрасному». Слово об отце.

14 мая 1919 г. Выборг
Письмо Г.Г. Шклявера к Рериху Н.К.

14 мая 1919.
Выборг.

Любезный Николай Константинович,

Не писал Вам кроме депеш ничего, ибо до сегодняшнего дня был болен, лежал. У меня было то, что называется «прострел». Нельзя было ни сидеть, ни поворачивать корпус, а единственно, что мне оставалось, это лежать. Теперь всё прошло. Благодарен Вам за хлопоты, но разрешения на выезд моя семья до сего дня ещё не получила. Обращался относительно продолжения моего разрешения к шведскому Консулу через здешнего Вице-Консула Грётен. Последний сносился с Консулом по телефону и последний разрешит мне продолжить право выезда (которое кончилось, как Вы мне в своё время сообщили – 15 мая, ибо было дано на 6 недель) до 15 Июня. Самое же пребывание в Швеции остаётся, согласно ранее данному разрешению, действительно лишь на 2 недели. Думаю, что, будучи на месте, удастся продолжить этот срок. Хотел было выехать без семьи и в Стокгольме хлопотать за неё, но жена моя боится разлучиться. После всех путаниц я сам не уверен, что сообщение Вице-Консула о правомочности выехать до 15 Июня верно, и что, не будет ли и здесь опять какого-либо сюрприза. Обо всём писал фон Дризену и просил его осведомиться в Шведском Консульстве и мне писать. Но вот уже прошло 4 дня, а Дризен не откликается. Решил теперь поступить следующим образом: в Субботу вечером мы выезжаем из Выборга. Я в Гельсингфорс, а мои – в Або. Постараюсь на месте всё узнать и сделать.

Я думаю, что Вы поняли, что мои без разрешения (вне зависимости от того, представят ли они разрешение на выезд во Францию или Англию) не могут выехать из Финляндии.

В Гельсингфорсе я похлопочу через моего знакомого Attaché о визах на Лондон. Буду хлопотать и о Вас всех. Может быть, удастся получить такое разрешение на месте без сношений с Лондоном. Думаю, что авось удастся (?!), ибо по моему письму <Н. Т.> Вальтер сразу получит визу на месте в Лондон для себя, жены и дочери. Но мне так везёт, что то, что возможно по моему письму для других, не будет возможно для меня. Во всяком случае, буду Вам телеграфировать из Гельсингфорса. Наши останутся в Або в гостинице Phoskix. Сообщите, что Вы думаете о визе на Лондон и в Або, ибо они легче со мною снесутся.

Чек на 5000 долл. от Орехновского идёт по 10-ти за доллар. Янсона я не видел. Бор. Шейнин застал его в Гельсингфорсе, но он сообщил, что пока ему ещё не удалось ничего сделать. В Гельсинг. я посету опять Янсона. Если его не застану, то Шейнин последит за всеми детьми. Привет всем Вашим. Как хотелось бы уже выехать и снова быть с Вами вместе.

Искренно Ваш Г. Шклявер.

В Гельсингфорсе думаю остановиться в <...> если найду кого-нибудь.

Архив музея Рериха. Москва.

31 мая 1919 г.

**Уведомление Гр. Орловой-Танеевой и Н. К. Рериха —
в Особый Комитет по делам русских в Финляндии**

Вход № 11/VI 1919 г.
Стокгольм, 31 мая 1919.

КОМИТЕТ СКАНДИНАВСКОГО ОБЩЕСТВА
помощи Российскому воину

COMITE DF LA SOCIETE SKANDINAVE
DE SECOURS AU GIERRIER RUSSE

В Особый Комитет по делам русских
в Финляндии.

Заслушав в заседании своём 28-го мая с. г. отношение Особого Комитета от 20-го мая с. г. № 829, Комитет Скандинавского Общества помощи Российскому воину ПОСТАНОВИЛ: несмотря на крайне тяжёлое положение кассы О-ва, принимая во внимание неотложное назначение испрашиваемой Особым Комитетом суммы, ассигновать из последних остатков 15 т[ысяч] ф[инских] м[арок] и перевести их для раздачи в распоряжение Генерала Юденича, в руках которого сосредоточены все денежные выдачи Скандинавского О-ва в Финляндии. Копию отношения Особого Комитета препроводить при переводе денег Генералу Юденичу.

О вышеизложенном постановлении Скандинавский Комитет имеет честь уведомить Особый Комитет по делам русских в Финляндии.

Председательница

Гр. Орлова-Танеева

Секретарь

Н. Рерих

Бахметевский архив Колумбийского университета, США. Письмо (машинопись) на бланке Комитета Скандинавского Общества помощи Российскому воину. В верхнем правом углу стоит: Вход. № 778. 11/VI. 1919 г. Подписи — автографы. Есть помета: Доложено 10/VI.19.

Из воспоминаний Е.И. Рерих:

Сон весною 1919 года перед поездкой в Лондон. Высокая-высокая приставная лестница с поперечными перекладинами. Лестница эта стоит на русской земле, ближе к северу, на широкой долине, стоит почти отвесно и ни к чему не прислонена и настолько высока, что с неё можно обозревать все страны. Стою на верхней перекладине и обозреваю открывшиеся горизонты. Небеса черны и к югу и западу становятся ещё чернее.

Всматриваюсь в сторону Англии, еле различаю абрис купола собора св. Павла, а за ним на фоне чёрно-бархатных небес, у самого горизонта, чётко и жутко стоят как бы кровавые знамения, два красных треугольника, тогда как над другими западными странами – могильная чернота.

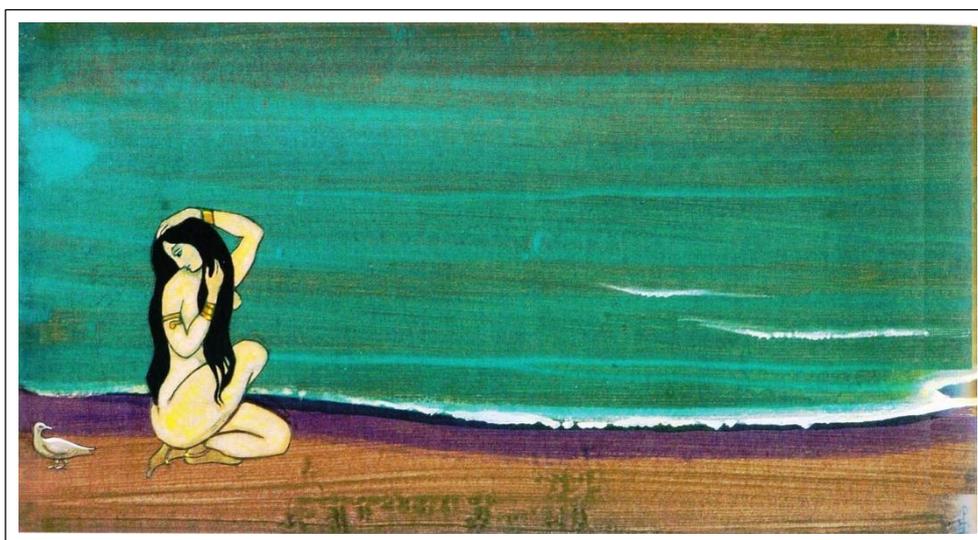
Поворачиваю голову к северу, чтобы посмотреть, что делается там, и вижу, что чернота несётся оттуда, и там уже видны слабые серые просветы и сами тучи не так плотны. Знаю, что мне нужно спуститься на землю и сделать это нужно очень осторожно, ибо за мною кто-то ещё идёт и первый неосторожный шаг может низвергнуть нас. Лестница узкая, шаткая и почти отвес-

ная, я же спускаться должна спиной к перекладинам. Ищу опоры, и вот с обеих сторон лестницы из воздуха протягиваются ко мне длинные палки, чтобы я могла ухватиться за них, но все они настолько качаются и как-то беспомощно висят в воздухе, что я не решаюсь ухватиться ни за одну из них. Тогда с самого верха, поверх моей головы и как бы вдоль моего тела, протягивается твёрдая, без малейшего качания, толстая длиннейшая палка, я беру её обеими руками и, держась за неё, начинаю спокойно спускаться...»

Публикуется по изданию: Елена Рерих «У порога Нового мира». Москва. 2000 г.

Н.К. Рерих. Эскиз индианки, готовящей пищу. 1919-1920.

Н.К. Рерих. Этюд (Купальница). [1919].